

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ПАМЯТИ

СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА

КИСЕЛЕВА

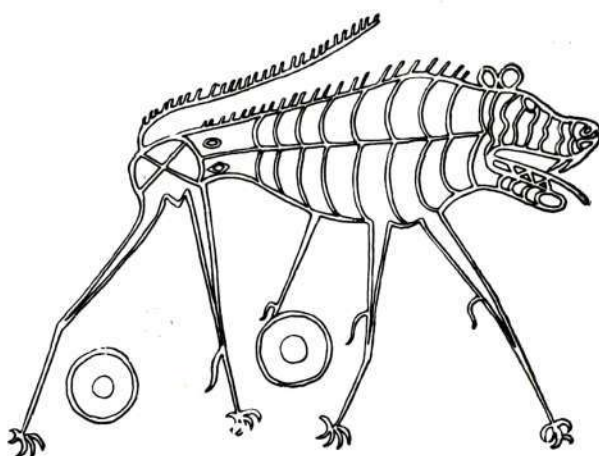
К 60-ЛЕТИЮ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

НОВОЕ

В СОВЕТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1965

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 130**

Редколлегия:

Е. И. КРУПНОВ (ответственный редактор), **А. В. АРЦИХОВСКИЙ,**
Н. Н. ВОРОНИН, М. П. ГРЯЗНОВ, Л. А. ЕВТЮХОВА, Л. Р. КЫЗЛАСОВ,
В. П. ЛЕВАШЕВА, Н. Я. МЕРПЕРТ, Т. С. ПАСЕК, Б. А. РЫБАКОВ,
А. П. СМИРНОВ, Н. Н. ТЕРЕХОВА, Д. Б. ШЕЛОВ

мовском могильнике (6 экз.) и по одному — в Хотимльском³² (рис. 1, 2) и в Новленском могильниках. Дата их — X—XI вв.

Вариант третий. Огниво в виде прямоугольной продолговатой пластины с суженным верхним концом, изогнутым в виде длинного крючка, почти равного длине самой пластины (рис. 1, 7). Огниво с длинным крючком удобно просто засовывать за пояс. Длина огнив 5—7 см при ширине рабочей части пластины 1—1,5 см. Огнива такой формы бытовали у древних удмуртов и коми-пермяков. Из Поломского могильника VI—IX вв. происходят 5 экз. огнив³⁴. Из могильника Мыдлань-Шай (VIII—середина IX в.) — два огнива, они изданы В. Ф. Генингом³⁵. Аналогичные огнива обнаружены в коми-пермяцких могильниках X в.: Плесинском (7 экз.)³⁶ и Баяновском (1 экз.)³⁷. Эти огнива были широко распространены в Прикамье; в коллекциях Пермского музея и ГИМ (собрание Теплоуховых) известно небольшое число подобных огнив без указания точного местонахождения.

Такие же огнива применялись в быту коми-зырян в бассейне Вычегды. Благодаря любезности Э. А. Савельевой, научного сотрудника Коми-филиала АН СССР (Сыктывкар), я ознакомилась с материалом из раскопанных ею в 1961 г. могильников по р. Выми. В двух из них — Петкойском и Кышпель-Кось — оказались такие же пластинчатые огнива с крючком, как и у коми-пермяков. Дата этих могильников XI—XII вв.

Насколько можно судить по опубликованным данным, ни один из описанных трех вариантов стальных пластинчатых огнив неизвестен в славянских памятниках. С X в. в области с финно-угорским населением начинают прони-

вать огнива калачевидной формы, очевидно привнесенные сюда славянами, еще позднее — овальные, а древние формы пластинчатых огнив постепенно исчезают.

М. В. ФЕХНЕР

О «СКРАМАСАКСЕ» ИЗ ГНЕЗДОВА

Среди вещей, обнаруженных в Гнездовском могильнике под Смоленском, большой интерес представляет длинный широкий железный нож, обе стороны которого украшены изображением головы воина в куполовидном шлеме с маской. Эти рельефные изображения в той части изделия, где рукоять плавно переходит в клинок, выполнены из серебра. Серебряным является также небольшое граеное навершие железной рукояти ножа.

Общая длина ножа (вместе с рукоятью) 43,5 см. Клинок при толщине в 2 мм достигает в верхней части 4 см ширины; к концу он расширяется до 5,2 см (рис. 1, 1).

Этот нож, впервые опубликованный А. А. Спицыным, был найден при раскопках С. И. Сергеева в кургане 74, в котором, судя по характеру погребального инвентаря, находилось парное трупосожжение — захоронение мужчины и женщины второй половины X в.¹ Хранится он в Государственном историческом музее в Москве².

Близкой аналогией гнездовскому ножу может служить нож из Черной Могилы, находящийся также в ГИМ (рис. 1, 2). У него подобной же формы тонкий клинок, такая же тонкая железная рукоять с небольшим навершием, как у гнездовского экземпляра³; но в отличие от последнего он украшен не серебряными масками, а железным жгутом, следы

³² Е. И. Горюнова. Указ. соч., рис. 56, 8.

³³ Н. Е. Макаренко. Новленский и Заколпский могильники Владимирской области и археологическая поездка по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому и Судогскому уездам. — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. X. Владимир, 1908, рис. 4, 31. Потребление 6, там же мерянский конек-подвеска X в.

³⁴ МАЭ, колл. 1384, № 359, 452, 526, 917. Гос. Эрмитаж, колл. 606.

³⁵ В. Ф. Генинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. — ВАУ, вып. 3. Свердловск, 1962, рис. VIII, 14. Реконструкция формы этого огнива дана В. Ф. Генингом неверно.

³⁶ Плесинский могильник на р. Обве, раскопки В. А. Оборина в 1960—1961 гг. Приношу благодарность В. А. Оборину за ознакомление с этим материалом.

³⁷ Пермский университет, кабинет археологии, колл. 288, № 915. Раскопки Баяновского могильника в 1953 г., погребение 8.

¹ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 32, 46—48, рис. 113—115.

² ГИМ, инв. № 42536.

³ Длина ножа вместе с рукоятью 51 см; ширина в верхней части 3 см, в нижней — 4,3 см; толщина клинка 2 мм.

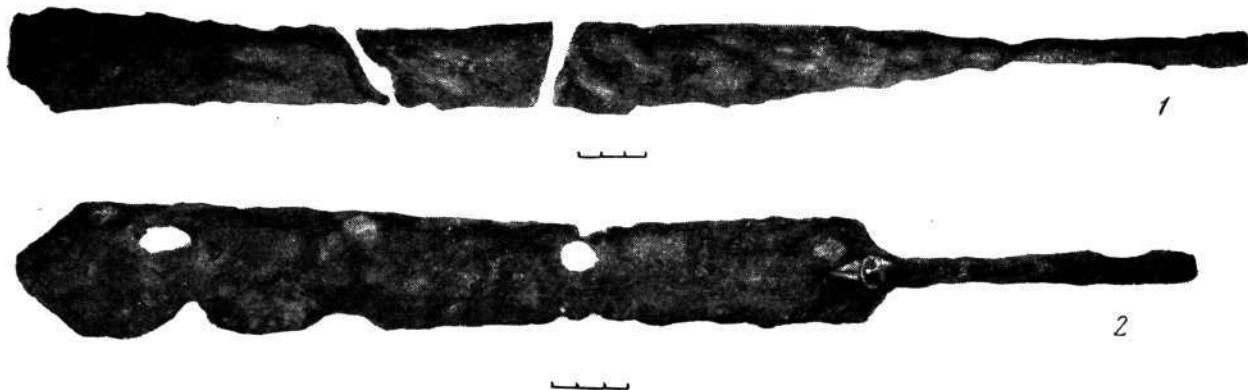

Рис. 1. Ножи из Гнездова (1) и Черной Могилы (2)

Рис. 2. Нож из Вирентофта

которого при расчистке ножа обнаружены между рукоятью и клинком. Этот пользующийся широкой известностью курган в Чернигове был насыпан, как и курган 74 в Гнездове, во второй половине X в.

Некоторые исследователи сопоставляют эти ножи с франкским скрамасаксом — коротким однолезвийным мечом, являющимся колющим и рубящим оружием⁴. Однако из-за малой толщины своих клинков, достигающих всего лишь 2 мм (толщина клинка рубящего оружия должна быть не менее 5 мм), и их формы (у гнездовского экземпляра конец клинка имеет форму равнобедренного треугольника с тупым углом у вершины) рассматриваемые ножи являются абсолютно не пригодными для нанесения рубящего и колющего удара.

Было высказано еще предположение, что этими ножами пользовались во время жертвоприношения, при заклании животных⁵. Основанием для этого явилось совместное нахождение в курганах ножей с жертвенными котлами: в Гнездове нож лежал на котле с остатками жертвенного животного, в Черной Могиле — рядом с котлом, в котором находился череп барана с рогами.

При реставрации названных ножей, впервые произведенной в 1963 г., была выявлена следующая интересная деталь: лезвия ножей

оказались незаточенными, т. е. не имели режущего края⁶. Таким образом, в качестве режущего орудия они употребляться не могли и предположение, что они являлись жертвенными ножами, отпадает.

По этнографическим материалам известно, что на территории нынешних Рязанской, Тульской, Орловской, Курской, Вологодской, Архангельской областей, а также на Мозырщине и Витебщине в ткацком деле применялись деревянные ножи, по форме аналогичные ножам из Гнездова и Черной Могилы: ими прибивался уток к ткани. Употреблялись они и в качестве трепала — орудия для трепания растительных волокон⁷.

Следует заметить, что в Северной Европе наряду с деревянными ножами для прибивания утка пользовались и железными. Они были мечевидной формы, с незаточенными тонкими лезвиями. Подобный нож (Webschwert) был, например, найден в могильнике Вирентофта близ г. Мальме (Швеция) в женском захоронении середины X в.⁸ (рис. 2). Так как ткачеством занимались женщины, то понятно, что

⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 32, 48.

⁵ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. — МИА, 1949, № 11, стр. 41—42.

⁶ Ножи были реставрированы сотрудницей ГИМ В. Н. Даркевич.

⁷ Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. — «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 598—610, рис. 8 и 24.

⁸ Marta Strömberg. Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen, II. — «Acta archaeologica Lundensia», 1961, N 4, S. 53, Tab. 36, Fig. 1a.

мечевидный нож находился в составе женского погребального инвентаря.

Нож из Вирентофта очень близок ножу из Черной Могилы, что дает основание заключить, что оба ножа — из Гнездова и Чернигова — относятся к орудиям ткацкого производства. Как известно, в обоих курганах находились остатки одновременного захоронения мужчин и женщин. Видимо, и здесь эти мечевидной формы ножи принадлежали к вещам женского инвентаря.

Б. А. КОЛЧИН

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ПОЛОЦКА

Дендрохронологический метод датирования все шире и увереннее входит в средневековую археологию. С созданием новгородской абсолютной дендрохронологической шкалы археологи, изучающие русские северные города, там, где хорошо сохраняется древесина, получили возможность датировать деревянные сооружения и постройки с точностью до одного года¹. Вместе с постройками более точные даты получают горизонты и ярусы культурного слоя.

Дендрохронологическая шкала Новгорода с абсолютными датами, в основе которой лежит более 2500 образцов от деревянных построек X—XVI вв., в настоящее время расширяется хронологически, захватывая XVII, XVIII и более поздние века.

Одновременно нами составляются дендрохронологии и по другим районам Восточной Европы — Белоозеру, Карелии, Валдайской возвышенности и по нескольким местам Белоруссии.

Лаборатория дендрохронологии Института археологии АН СССР составила абсолютную

дендрохронологическую шкалу Белоозера протяжением в 303 года, с 968 до 1271 г.²

Заключен первый этап работ по дендрохронологии древнего Полоцка. Институт истории Академии наук БССР передал для дендрохронологического анализа в нашу лабораторию 53 образца дерева от древних построек, вскрытых в 1961 и 1962 гг. на Верхнем Замке в Полоцке, на раскопах II и III. Постройки, от которых были взяты образцы, находились в слоях между горизонтами с отметками от 265 до 390 см. Культурный слой и все постройки на раскопе стратиграфически расчленены на несколько строительных горизонтов. Постройки, от которых были взяты образцы для изучения в лаборатории, относились к IX, VIII, VII и VI горизонтам.

Дерево хорошей сохранности, в подавляющем большинстве сосна, имело возраст от 40 до 130 лет, но основная масса образцов не превышала возраста 80 лет. Приходится сожалеть, что при хорошей сохранности дерева и построек (например, сруб № 14 сохранился на пять венцов) археологи брали по несколько избранных образцов, а не сплошь от всех бревен, как следует по инструкции³. Многие образцы, особенно из нижних горизонтов (X—XIII), оказались без паспортов, и нами были из документированной коллекции исключены. Всего было исследовано 22 образца с паспортами и 12 более древних образцов без паспортов.

Методика лабораторной обработки была обычной. Ширина годичных колец измерялась по двум радиусам. Затем на каждый образец составлялся график роста годичных колец. Для составления графиков применен принятый в нашей лаборатории метод полулогарифмических диаграмм.

Этот метод основывается на положении, что величина изменения пропорциональна средней ширине годового кольца. Если ширина одного годового кольца a , а другого b , то отношение между ними $b : a = c$. Различие между кольцами, т. е. $b - a$, можно выразить иначе формулой: $b - a = ac - a = a(c - 1)$.

Следовательно, это различие пропорционально $\dot{a}$. С помощью логарифмов то же различие можно выразить так: $\log b - \log a = \log ac - \log a = \log c$; таким образом, различие это

¹ Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. — МИА, 1963, № 117, стр. 5—103; № 123, стр. 166—227.

² Н. Б. Черных. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозерска. — Археология и естественные науки. МИА, № 129, 1965.

³ «Сборник инструкций по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук». М., 1960.